

волшебной и жизнеутверждающей семантики, изменяющей парадигматику символических значений, сообщенных образу паука в произведениях Достоевского. Ср.: «Жили мы у Делион на Кирхштрассе. Только что начали обживать: подвесил я над столом паука, открыл „Обезьяню палату“ и за работу» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 538); «И гляжу в высоту: „Крылатый паук, зашей рану на моем сердце!“ И на зов мой спускается мохнатый холодный паук. И тьма еще темней и еще безысходней. А там — я чую: колыхает рассвет!» (Там же. С. 229).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-223-230

© *Е. Н. Пенская*

«ТЕХНИКА ИСКУССТВЕННЫХ ШВОВ»: К ТИПОЛОГИИ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК М. М. ЗОЩЕНКО*

Современное зощенковедение в последние пятнадцать–двадцать лет заметно набирает интенсивность. Этому способствует в том числе цифровизация архива М. М. Зощенко.¹ Однако электронный доступ к материалам не только открывает новые возможности комплексного изучения, поиска, сопоставления публицистических и художественных текстов, но и выявляет лакуны. Появление итоговых исследований,² проведение юбилейных мероприятий,³ выпуск собрания сочинений Зощенко,⁴ публикация архивных материалов⁵, тем не менее, подтверждают и дисбаланс в характере исследовательских обращений к архивам, и соотносению тех пластов, что так или иначе получили научную интерпретацию, и тех, что остались «за бортом». Такая научная неравномерность не в последнюю очередь объясняется разрозненностью архивов — крупные комплексы хранятся в Пушкинском Доме,⁶ в РГАЛИ. Отдельные группы документов находятся в ЦГАЛИ СПб, в фондах ГЛМ «XX век»,⁷ в частных собраниях. Существенным подспорьем в комментаторской и текстологической работе являются введенные в научный контекст эго-документы — фрагменты дневников Зощенко, его переписка; кроме этого, расшифрованные черновые варианты, стенограммы обсуждений его сочинений в издательствах, письма читателей с авторскими пометами дополняют исследовательский ландшафт. Тем не менее пока еще трудно говорить даже о подступах к полному освоению этих архивов. На общем фоне, пожалуй, наименее изученными представляются записные книжки Зощенко. Эпизодические усилия не меняют картины.⁸ Поэтому трудно не согласиться с тем, что «совершенно очевидна

* Работа выполнена при поддержке РФФ. Проект 19-18-00353, НИУ ВШЭ.

¹ На литературном портале «Автограф» представлена значительная часть архива М. М. Зощенко, хранящегося в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, см.: <http://zoshchenko.literature-archive.ru/ru> (дата обращения: 31.07.2021).

² Мих. Зощенко: pro et contra: Антология / Сост., вступ. статья, комм. И. Н. Сухих. 2-е изд., испр. СПб., 2015.

³ Альманах «XX век»: Сб. статей / Сост. Д. А. Суховой. СПб., 2015. Вып. 7. В данный выпуск вошли материалы Международной научной конференции «Феномен Зощенко в культуре XX–XXI веков», состоявшейся в Санкт-Петербурге 27–28 ноября 2014 года и приуроченной к 120-летию со дня рождения писателя. Здесь собраны новейшие исследования, касающиеся разных аспектов современного зощенковедения.

⁴ *Зощенко М. М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 2008.

⁵ Творчество Михаила Зощенко. Новые материалы. Исследования. Библиография: Сб. статей / Отв. ред. В. П. Муромский, А. Д. Семкин. СПб., 2015.

⁶ *Запевалов В. Н.* Документальные материалы М. М. Зощенко в Пушкинском Доме // Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии: В 3 кн. СПб., 1997. Кн. 1. С. 5–37.

⁷ См.: <http://museum-xxvek.ru/fondyi> (дата обращения: 31.07.2021).

⁸ *Зощенко М.* Из тетрадей и записных книжек // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский. М., 1994. С. 105–134; Из дневниковых записей М. М. Зощенко (1916–1921) /

необходимость и настоящей полной публикации всего корпуса записей, и кропотливой работы с текстами <...> Это бесценный материал для понимания творческой и филологической эволюции Михаила Михайловича Зощенко». ⁹

Как известно, изменение статуса черновика, ¹⁰ а также принципов интерпретации эго-документов сопряжено с современным пониманием культуры как пространства, свободного от критериев иерархии. Отсутствие границ между жанрами и видами текстов также является одной из фундаментальных характеристик искусства в эпоху модернизма. Следствием такой трансформации художественной системы, ее структуры и стилей является заметно возрастающий интерес к тем формам, что считались периферийными и служебными. Записные книжки, обладая высокой жанровой пластичностью, закономерно попадают в эпицентр широкого профессионального, издательского внимания ¹¹ и читательского спроса. Подобная популярность порождает большой терминологический разброс, предполагающий одновременно и автономию, и подчиненность общим закономерностям литературного процесса. Специфика записных книжек допускает многовалентное атрибутирование их природы, синонимичной языковой, тематической лаборатории художника, автобиографической и дневниковой самоидентификации, родственна документам, совмещающим историческую достоверность и мистификацию. Несмотря на рост обзоров ¹² и монографических описаний, ¹³ записные книжки были и остаются слабо изученным жанром.

Выступая в 1930 году в кабинете начинающего писателя в ленинградском Доме печати, Зощенко описал две системы своей работы. Первая опирается на творческое напряжение или вдохновение, когда сюжет, композиция чрезвычайно быстро сложи-

Публ. А. И. Михайлова // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. С. 102–111.

⁹ Семкин А. Д. Неопубликованные записные книжки М. М. Зощенко. Попытка описания // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 85–90.

¹⁰ См. об этом: Лехциер В. Апология черновика или «Пролегомены во всякой будущей...» // Новое литературное обозрение. 2000. № 4. С. 43–51.

¹¹ Во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов совместными усилиями издателей и текстологов возникает целая библиотека эго-документов. См., например: Блок А. А. Записные книжки / Вступ. статья Е. Ивановой. М., 2000; Волошин М. А. Записные книжки / Сост., предисловие и прим. В. Купченко. М., 2000; Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001; Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002; Довлатов С. Д. Записные книжки. СПб., 2007; Ерофеев В. В. 1) Записные книжки 1960-х годов. Первая публикация полного текста. М., 2005; 2) Записные книжки. М., 2007. Кн. 2; Замятин Е. И. Записные книжки. М., 2001; Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; вводные заметки к записным книжкам, указатель В. А. Черных. М.; Torino, 1996; Ильф И. А. Записные книжки. М., 2001; Платонов А. П. Записные книжки: материалы к биографии / Публ. М. А. Платоновой; сост., подг. текста, предисловие и прим. Н. В. Корниенко. М., 2000; Хармс Д. И. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина; вступ. статья и прим. В. Н. Сажина. СПб., 2002; Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой. М., 2000–2001; Шаламов В. Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. Зощенко на этой «книжной полке» отсутствует.

¹² Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики): Монография. Екатеринбург, 1997; Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. М., 2006; Михеев А. В. Вокруг, около и вместо. Триумф комментария // Иностранная литература. 1999. № 5. С. 157–159; Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007; Симкин Я. Р. Записные книжки писателей // Научно-культурологический журнал RELGA. 2005. № 7 (109).

¹³ Демидова О. Р. О камер-фурьерских журналах и о журнале Ходасевича // Ходасевич В. Ф. Камер-фурьерский журнал. М., 2002. С. 4–22; Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 90–105; Смирнова Е. Е. Записные книжки Вен. Ерофеева 1960-х годов в составе авторского сверхтекста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010; Терехина В. Н. Текстология заглавий у Маяковского: инерция или традиция? // Творчество В. В. Маяковского. М., 2020. Вып. 4. Кн. 2. В. В. Маяковский в контексте мировой культуры. С. 257–263. См. также публикацию Л. В. Хачатурян «„Как делать стихи“: Свердловская записная книжка В. В. Маяковского» (Русская литература. 2020. № 4. С. 252–268; 2021. № 1. С. 190–205).

лись в воображении, и их остается зафиксировать на бумаге. Вторая — в отсутствие творческого состояния предполагает свободное владение техникой письма. Он учительски раскрывает писательские навыки, которые вроде бы нетрудно освоить, достаточно держать форму, тренироваться и проделывать регулярные упражнения. «Например, рассказ „Баня“: фразу за фразой вытаскивал я из записной книжки, вставляя слова, причем техника была настолько высока, что вы теперь не замечаете в этом рассказе искусственных швов».¹⁴

Вырастает значение запасника, запасного ресурса, процесс заготовок в котором обретает самостоятельную ценность: «Почти каждый день, вечером, я заношу в свою записную книжку несколько слов, одну, две фразы, иногда образ, какую-нибудь встречу, причем всё очень кратко, одним словом, одной фразой. Это вошло уже в привычку, и я все это проделываю почти каждый день. Весь улов за день я заношу в записную книжку... В моей записной книжке три отдела. В одном отделе слова. Я записываю те слова, которые мне показались интересными. Может быть, это новые слова, может быть, они интересны по своей необычности, может быть, это жаргонные слова или слова, которые употребляют рабочие в разговоре».¹⁵

Зощенковская формула писательства состоит из нескольких «переменных»: выбор сюжета, любовь к предмету, умение создавать литературные произведения. Но записная книжка — это «корень», величина постоянная.

Записная книжка в прозе Зощенко выступает в нескольких ипостасях, мотивирующих условия повествования, в том числе речевые: 1) атрибут сюжета, сложившиеся обстоятельства, ход действия, 2) характеристика персонажа. Рассказ «На заводе» (1930) попадает в категорию заметок «Из записной книжки», что якобы гарантирует буквальность и достоверность фактов. Такой ход не раз повторяется автором. Повесть «Возмездие» (1937) задумывалась к 20-летию Октябрьской революции. В ней участники в неформальной обстановке делились своими воспоминаниями о прошлой боевой жизни; автор за вечер «вдоль и поперек» исписал свою записную книжку интересными заметками и сюжетами. Почти дословно повторяется такая же «преамбула» в «Никогда не забудете. Рассказы о партизанах» (1940-е годы). Мемуары о подвигах тщательно фиксируются автором-свидетелем. Графическая деталь — заполненность «вдоль и поперек» — соответствует тому, как в реальности выглядят записные книжки Зощенко.

Еще один тип функционирования записной книжки в мире Зощенко — это маскировка, мистификация, футляр, предмет для легкого шантажа. Рассказы «У подъезда» (1938) и «В трамвае» (1936) состоят из диалогов с дворником, задержавшим автора-героя и подозревающим его в нарушении порядка и немислимых преступлениях, перебранки кондуктора и безбилетного пассажира. В конце концов в первом случае герой, не выдержав, вынимает записную книжку, увидев лишь кончик которой дворник сразу меняет тактику поведения, пропуская «товарища», а во втором случае мнимый безбилетник достает из записной книжки крупную купюру — три червонца, что вызывает еще большее возмущение кондуктора. Записная книжка наделена особым свойством и обладает магическим действием в советском быту, непостижимым образом физически воздействуя на ситуации, меняет расстановку «сил», стимулируя внезапную развязку.

Наконец, в повести «Перед восходом солнца» (первые шесть глав опубликованы в журнале «Октябрь» в 1943 году) присутствие записных книжек беспрецедентно. Упоминание сведений из них здесь имеет структурное, смысловое и сюжетообразующее значение, на макроуровне размечает биологические ритмы, акцентирует вехи истории и цивилизации. На микроуровне выстраивается классификация тематических «узлов» в записных книжках.

1) Записная книжка выступает в своей накопительной систематизирующей энциклопедической функции, аккумулирующей сведения о природе и географии:

¹⁴ Зощенко М. М. Как я работаю // Михаил Зощенко: pro et contra. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 53.

«Все мои тетради, записные книжки стали заполняться сведениями о воде. Эти тетради сейчас передо мной. С улыбкой я просматриваю их. Вот записи о самых сильных бурях и наводнениях в мире. Вот подробнейшие цифры глубин морей и океанов. Вот сведения о наиболее бурных водах. О скалистых берегах, к которым не могут подойти корабли. О водопадах. Вот сведения об утонувших людях. О первой помощи утопленникам. Вот запись, подчеркнутая красным карандашом: „71 процент земной поверхности находится под водой и только 29 процентов суши“. Трагическая запись! Красным карандашом приписано: „3/4 земного шара — вода!“ Вот еще трагические записи, из которых можно увидеть, каков процент воды в теле людей, животных, растений: „Рыбы — 70–80 %, медузы — 96 %, картофель — 75 %, кости — 50 %...“

Какая проделана гигантская работа! Какая бессмысленная! Вот целая тетрабочка исписана сведениями о ветрах. Это понятно: ветер — причина наводнений, причина бурь, штормов. Кусочек из записи: „3 метра в 1 секунду — шевелятся листья; 10 метров в 1 секунду — качаются большие ветви; 20 метров в 1 секунду — сильный ветер; 30 метров в 1 секунду — буря; 35 метров в 1 секунду — буря, переходящая в ураган; 40 метров в 1 секунду — ураган, разрушающий дома“. Под записью справка: тай — чрезвычайный, фунг — ветер. Тайфунг в 1892 году (остров Маврикия) — 54 метра в секунду! Вот еще одна тетрадь о наводнениях в Ленинграде. Перелистывая эти мои тетради, я сначала улыбался. Потом улыбка сменилась скорбью. Какая трагическая борьба! Какой „интеллектуальный“ и вместе с тем варварский путь нашло сознание для того, чтобы путем знаний „освоить“ противника, уничтожить страх, одержать победу! Какой трагический путь был найден! Он был в соответствии с моим умственным развитием». ¹⁶

2) Записная книжка — автоархив, регистратор, самоописание, нередко хранящее вещественные доказательства внутренних конфликтов, динамики интимных психологических метаморфоз:

«Я боролся с этим неосознанным страхом путем знаний. Была проделана гигантская борьба. Следы этой трагической бессмысленной борьбы остались в моих записных книжках, в моей литературе. Тогда я раскрыл свои записные книжки, рассчитывая на их страницах найти следы новой грандиозной борьбы, следы новых схваток с неосознанным противником. Однако в записных книжках я на этот раз не нашел того, что искал. Не было ни цифр, ни справок. Не было ничего такого, что могло говорить о повышенной заинтересованности к новому объекту». ¹⁷

3) Записная книжка — медицинский фактор, концентрация показателей, диагноз, симптом, история болезни:

«Рев тигра или льва, когда-нибудь услышанный ребенком в зоологическом саду, довершил этот символический образ. Я открыл свои записные книжки с расчетом найти в них соответствующие записи, с надеждой увидеть следы нового поединка — борьбы с хищниками путем знаний, кои были в соответствии с моим умственным развитием. Однако в записных книжках никаких сведений о тиграх я не обнаружил. Ну что ж! Я в жизни не сталкивался с тиграми. Я видел их только в клетках. Я был в безопасности от них. И тут не было резона защищаться путем знаний. Но вот, разыскивая в своих записных книжках сведения о тиграх, я натолкнулся на целую серию однообразных записей. Эти записи крайне удивили меня. Они были медицинского характера и касались главным образом паралича, удара, кровоизлияния в мозг. В моих записных книжках было много медицинских справок, но справки об ударах повторялись необыкновенно часто. Тут были объяснения причин, перечисления симптомов, способы лечения и профилактики». ¹⁸

Замысел повести «Перед восходом солнца» относится к середине 1930-х годов, и он вырос в течение десятилетия. Тем ощутимей убедительно проявленное в нем — итоговое — всевластие записных книжек, апелляция к которым происходит согласно

¹⁶ Зоценко М. М. Перед восходом солнца // Зоценко М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2008. Т. 7. С. 215.

¹⁷ Там же. С. 221.

¹⁸ Там же. С. 257–258.

внутренней авторской необходимости, что вызывает реконфигурацию жанровой формы. Валентность документа трансформируется, на глазах аудитории переходит на авансцену повествования, занимая одну из ключевых позиций, вовлекает весь «аппарат» черновика — внутренний и внешний, скрупулезно поданный в визуальных коннотациях.

Обостренное чувство черновика, проникновение его в живую плоть текста опирается на крупный массив реальных документов-заготовок.

В Пушкинском Доме в фонде Зоценко «собраны 14 из сохранившихся записных книжек с записями творческого характера и подготовительные материалы к неустановленным произведениям».¹⁹

Документы пронумерованы, скорее всего, владельцем или теми, кто передавал материалы — вдовой и сыном. Нумерация не последовательна.²⁰

№ 1 (1930-е годы). 55 л. Наброски к произведениям о разных авторах (комментарии, римейки, продолжения, замечания, анекдотические заметки) — например, Лескова, Гоголя, Чехова, Блока. Имеются записи бытового характера.

№ 7 (1936–1952). 70 л. Сюжеты и темы произведений; пословицы и поговорки.

№ 8 (1939). 32 л. На л. 1–14 все надписи крестообразно зачеркнуты; 15 л. содержит карандашный рисунок, на котором изображены крючки и прикрепленные к ним «горлышками вверх» — висящие фигуры. Они напоминают мешки, бутылки или тела. 15–25 л. включают наброски. Страницы озаглавлены: «Скетчи», «Сатира», «Крокодил». На л. 26–28 «психоанализ-выписки». 29–30 л. — рисунки (клоун, женская голова с «шеей-воротником» из птичьих перьев, отдельные слова). Сюжет рассказа обозначен как «Пляски Святого Витте» (л. 31).

№ 12 (1936–1952). 94 л. Записи разнородного характера: фрагменты драматических произведений, рисунки, адреса и телефоны, бытовые памятки.

№ 18 (1941–1945). 44 л. Записи идут вразбивку: сентябрь 1941 — эвакуация в Москву, 14 октября — в Алма-Ату. Отмечены 20 тетрадей-заготовок будущей книги «Перед восходом солнца». Наброски военных рассказов, антифашистских фельетонов, сценариев к фильмам «Солдатское счастье» и «Опавшие листья». Апрель 1943 года — приезд в Москву, упоминания о работе в редколлегии журнала «Крокодил». 1944–1945 — наброски комедии (очевидно, «Парусиновый портфель») и пьес для театров. На л. 31, 33, 37, 39 — заголовок: «Воспоминания». На л. 29, 36, 41 — пометы: «Страх». На л. 35 — помета «Fin войны» без указания конкретной даты. К концу — записи телефонов, адреса, бухгалтерские счета.

№ 20 (карандашный номер 18; 1938–1939). 120 л. (Атрибуция карандашом: «Психоанализ»). Классификация снов. «Энциклопедия сновидений». На л. 12–14 размещен список тех, с кем предстоят встречи: Гладков, Павленко, Катаев, Шварц.

№ 22 (1946). 27 л. Наброски к рассказам «Пчелы», «Волки и овцы» и др. Продолжение записи «Сны». На листах другого формата — предположительно из блокнота — вклеены варианты сведений о воде и ветре, совпадающие и дополняющие те, что использованы в повести «Перед восходом солнца» (л. 11–17). На л. 11 поперек горизонтальных записей на полях вертикальная помета: «скучно».

№ 23 (1946–1948). 82 л. На серой обложке рукой Зоценко проставлен номер 101. Контуры цифр обведены чернильным карандашом. Наброски произведений о войне, в частности о партизанах. Рассказы. Фельетоны. Телефоны и адреса тех, с кем Зоценко контактировал, на последних страницах. Зачеркивания полностью отсутствуют.

№ 24 (1950-е годы). 33 л. Наброски к произведениям на зарубежные темы. Комментарий В. В. Зоценко. Практически все листы перечеркнуты крестообразно. На последних трех страницах записи телефонов.

¹⁹ ИРЛИ. Опись ф. 501. Оп. 1 (Творческие документы и подготовительные материалы к ним за 1914–1958). Л. 17. См. также на портале «Автограф»: http://zoshchenko.literature-archive.ru/sites/default/files/f.501_op_1.pdf (дата обращения: 31.07.2021).

²⁰ Отсканированные версии дневников и записных книжек Зоценко (ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 547–554) доступны на портале «Автограф»: <http://zoshchenko.literature-archive.ru/ru/digital-archive/dnevnik-i-zapisnye-knizhki> (дата обращения: 31.07.2021).

№ 25 (1950-е годы). 47 л. Наброски произведений; фразы-«двойчатки» — например, «У него в большом достатке / Нынче только недостатки»; «Дамоклов меч висит надежно / Над тем, кому все делать можно»; «Идет первой роты фельдфебель, / Несет необходимую мебель»; «Три бабы, с флером вокруг повойника, / Несут любимые блюда покойника: / Ножки, печенку и пупок под соусом, / Все три они вопят жалобным голосом» (Из Пруткова. «Церемониал погребения тела в бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Козьмича П...»); подсчеты умерших ежегодно — в Европе, на планете; наброски повести «Чугунная тень. Медный всадник» открывают перечень планов к «40-летию Октября».

№ 26 (1950-е годы). 46 л. На обложке стерт номер рукой Зоценко: 51. Темы, наброски сюжетов, отдельные слова, перечень лекарств и медицинских терминов.

№ 29–30 (1950-е годы). 295 л. Исторические сюжеты. Размышления о назначении художника, о сути писателя.

№ 32 (начинается в марте 1958 года). 27 л. Записи сделаны на перекидных листах блокнота, скрепленных пружиной. Имена реальные и исторические (Сперанский), перечень лекарств. Набросок словесного портрета Евтушенко («походочка расслабленная с челочкой на лбу... плясун прославленный, перспективный...»); сатирические рассуждения о капитализме и коммунизме. На обложке приплетенного блокнота типографски напечатаны цифры: 1917–1937. Стихи, темы рассказов для журналов, воспоминания, опорные слова которых занесены в разделенное на квадраты пространство блокнотной страницы. Обозначены «временные регламенты» — разделы: «В далеком прошлом», «В детстве», «В недавнем прошлом».

Записные книжки однотипны. Они открываются вклеенной вырезкой календаря; страницы расчерчены карандашом в виде таблицы, каждая «клетка» которой заполнена по вертикали или горизонтали простым, либо чернильным карандашом, или перьевой ручкой. Часть записей датируется. Зачеркнутые крест-накрест сведения соотносятся с календарными датами (числа также обведены карандашом или ручкой); бытовые планы считаются выполненными или утрачивают свой актуальный характер, а наброски сюжетов, имен, цифровые выкладки использованы. Их путь от записной книжки к тексту произведения или соотносимость с эпистолярной группой документов предстоит проследить.

При всем разнообразии набросков, заносимых в записные книжки на протяжении нескольких десятилетий, наблюдается повторение одной и той же интенции — Зоценко предельно сконцентрирован на речевых единицах. Страницы его блокнотов — окошки — испещрены цифрами и словами, которые претерпевают всевозможные манипуляции. Жизнь языка — одна из главных материй, с которой непрестанно работает Зоценко, пробует речевую плоть, наблюдая и активно используя подвижность слова. Неслучайно, думается, обостренная, почти физиологическая чувствительность к микроязыковым нюансам отражается в записных книжках. Эти документы представляют собой сложно и вместе с тем просто и наглядно организованные системы, нередко соблюдающие рубричный принцип, и предполагают авторскую атрибуцию по разным категориям, жанровым в том числе. Симбиозы пословиц и поговорок — самостоятельные речевые миры. Они напоминают «коллекции языковых клише», содержат фразеологические обороты, побасенки, обрывки анекдотов и размещаются в параллельных столбцах странично.

Нами выбран показательный фрагмент одной из крупных записных книжек Зоценко — № 12. Данный корпус записей в ней тематически и хронологически продолжает и дополняет записную книжку № 7. Очевидно, сложная нумерация объясняется тем, что в процессе ее заполнения участвовал и сам владелец, и позднее, при обработке и подготовке к передаче архива, его жена В. В. Зоценко. На коричневой коленкоровой обложке есть карандашные памятки в верхнем левом углу. Вверху справа надписи сделаны крупными строчными буквами; контуры разноразмерных литер с нажимом обведены ручкой, внутреннее пространство объемных букв заштриховано карандашом: «Слова», «Поговорки», «Сюжеты», «Театр», «Кино», «Эстрада». Тем же шрифтом выполнены надписи, обозначающие два основных времен-

ных периода: «1936–1937», «1938–1940» (второй, видимо, уточнялся по мере работы: карандашом дописаны даты «<19>42», «<19>44», до 1952 года).

Записная книжка по своей структуре напоминает журнал, содержащий разделы, причем эти рубрики существуют в двух регистрах: с одной стороны, они воспроизводят то, что обозначено на обложке, а с другой, добавляют новые. Например, возникают сверх задуманных рамок «афоризмы», «стихи», «газеты».

Язык «формульный», автоматический обнаруживается на страницах записных книжек и становится объектом пристального внимания, погружения, речевых операций и упражнений. Вычлененные из риторического контекста, из своей привычной канцелярской, бюрократической среды, фразы создают отдельную языковую реальность, открытую, бесконечно пополняемую словесную систему. «Столбцы», приведенные ниже, не редкость для Зоценко. Но выделенная нами в таблице конкретная подборка особенно выразительна. Отметим свойственные ей характерные особенности:

1) Последовательность списка стереотипов, расположенных в левой и правой частях страницы.

2) Шаблоны, вызывающие рождение новых речевых звеньев: одна строка и автономна как отдельное «ядро», и вызывает другую, сцеплена с предыдущей и последующей, образуя целое.

3) Речевые обороты наделены своей внутренней драматургией, интонациями; в них просматриваются коллизии, сюжеты, наблюдаются своеобразные грамматические отношения между отдельными элементами, повторами и кульминациями. Правая колонка ощутимо бравурна. В левой слышится угроза и агрессия.

Неустанная забота	Наполненная клеветническими измышлениями
Яркое выражение	С огромным подъемом
Вся деятельность его	Нашел свое отражение (яркое)
Беззаветное служение	С огромным вниманием
Пронизано повседневной заботой	Поднимает на новые трудовые подвиги
Особое внимание будет обращено	Поднять на новую еще большую ступень
Опираясь на успех	Вписывает новую славную страницу
Является новым свидетельством	Нашел горячий отклик
Новые выдающиеся успехи	Резкой критике подвергся
Самоотверженный созидательный труд	Ценная инициатива
Ведомый	Присвоено звание
За короткий исторический срок	Жизненно важная задача
Завоевание новых вершин	Всемерно содействовать
Во всех отраслях знания	Священная обязанность
С еще большей энергией	Морально-политическое воспитание
Коварный и злобный враг	Следует наконец сказать
Успешно претворяют в жизнь	Нашел горячий отклик
Это является основой	В обстановке огромного политического и трудового подъема
Свидетельствующее еще о том	С большим воодушевлением
Раздувание военного психоза	Мобилизует на досрочное выполнение
Продемонстрировало свою подлую готовность	Систематически перевыполнял
С огромной благодарностью будет встречено	Можно смело сказать
Это яркий образец заботы	Ярко свидетельствуют
Взволнованную речь произнес	Нужно твердо понять
Резким диссонансом прозвучало	Добился значительных результатов
Проникновенно	Всемерно содействовать
Вдохновленный повседневной заботой	Создали предпосылки для ²¹
С чувством законной гордости	
Успешно разрешат эти задачи	
В центре внимания	
Следует отметить	

²¹ Зоценко М. М. Записная книжка № 12 // ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 549. Л. 40. Орфография Зоценко сохранена. — Е. П.

Само собой разумеется
Подверг резкой критике
Продемонстрировали всему миру
Глубокое миролюбие
Внесли новый вклад
Благородное дело борьбы
В лице его
Верный и надежный оплот
Заклеймили позором
Это свидетельствует о том
В соответствии с решением

Пословицы рассыпаны во всех дневниках, блокнотах, но в двух записных книжках — седьмой и двенадцатой — сконцентрированы, распределены по логико-тематическим группам: «Причина и следствие», «Красота и любовь», «Свое и чужое». Зоценко «тасует» группы, как карты. Повторяет, переиначивает, одно и то же записывает в разных вариантах. «Козла обходи сзади, коня спереди, а человека со всех сторон», «Люди друг для друга и лекарства и болезни» — такие «пары», «двойчатки» повторяются в разных пословичных подрубриках. Очевидно, что Зоценко создает свои наборы, пословичные ярусы, моделирует ситуации, сюжеты. Пословичные своды в зоценковских записных книжках, их подвижность, пополняемость в данном литературном закулиссе свидетельствуют о том, как живая материя речи возникает из неживой и насколько умственный, смысловой резерв трюизмов и штампов продуктивен для рождения творчества. Комбинации пословиц — и шире клишированных форм — вносятся в записные книжки лабораторное измерение, где экспериментальным путем выявляется потенциал текста и закономерности зоценковской грамматики — паремии как основы его художественного мира.

Записные книжки, таким образом, рассматриваются не только как вспомогательный источник, позволяющий реконструировать путь от черновика к чистовику, проследить генезис текста и его творческую историю, но интерпретируются как факт литературного процесса, связующее звено между разными его этапами, пространство, где возникают литературные практики будущего. Если говорить о формировании литературного канона XX века, то благодаря поэтике записных книжек, вторгающихся своей речевой плотью в литературную повседневность писателя, отчетливой устанавливается родство между творчеством Зоценко, его произведениями, по речевой природе своей снимающими границу между стихом и прозой, и теми, кто в 1950–1960-х годах начал реабилитировать речь, скомпрометированную советским официозом. Диагноз, поставленный Зоценко в своих сочинениях и записных книжках, во многом открыл дорогу концептуалистам, работавшим с феноменом массового клишированного сознания. В его книжках воссоздан контекст этого «готового языка» стандартов, шаблонных фраз, что позволяет обнаружить ключи к человеческому подоснованию, к мифам, ритуалам, «по канве которых мы живем, сами того не ведая».²²

²² Янечек Дж. Всеволод Некрасов и русский литературный концептуализм // Новое литературное обозрение. 2009. № 5. С. 67.